

Шелковый дом

Я подрастала и начинала понимать, что в моем присутствии в Шелковом доме есть что-то загадочное. Я не принадлежала к числу его владельцев и все же страстно любила этот дом. Он был для меня источником постоянного вдохновения. Я представляла себе события, которые когда-либо происходили под его крышей, и всех людей, живших здесь на протяжении столетий.

За это время он, разумеется, очень изменился. Его изменили Сэллонджеры. Предок сэра Фрэнсиса приобрел дом чуть более ста лет назад. Это он переименовал его в Шелковый дом. Мне такое название казалось совершенно неуместным, хотя и было присвоено дому не случайно. Филипп Сэллонджер, разделявший мой интерес, нашел старые газеты, в которых он именовался Королевской Охотничьей Хижиной. И я задавалась вопросом: о каком короле идет речь? Возможно, в этих краях охотился злобный Руфус?¹ А что, если это был сам Вильгельм Завоеватель? Норманны обожали леса, и охота была их любимым развлечением. Но, скорее всего, дом был построен в более поздний период.

Он гордо возвышался посреди леса, и мне всегда казалось, что деревья скромно потеснились, уступая ему место. Сады вокруг дома, несомненно, были разбиты еще во времена Тюдоров, ярким подтверждением чего была кирпичная стена, ограждающая газоны с травой вокруг пруда, на краю которого замерла статуя готового взмыть над землей Гермеса.

Дом и сады окружал лес, и из окон верхних этажей виднелись величественные деревья: дубы, буки, каштаны, прекрасные весной, роскошные летом, изумительные осенью, перед тем как сбросить листья шуршащим ковром нам под ноги. Не менее красив

---

¹ Вильгельм II Рыжий (или Вильгельм II Руфус) — сын Вильгельма Завоевателя. Прозвище свое получил из-за красного цвета лица. Был страстным охотником. Жестоко расправлялся с инакомыслящими. (Примеч. ред.)

был лес и зимой, лишавшей деревья их зеленого убранства. Подняв голову, я подолгу изучала замысловатые узоры, которыми голые ветви расчерчивали свинцово-серое небо. Дом был велик изначально, а Сэллонджеры сделали его еще больше, достроив и превратив в свою летнюю резиденцию. У них также был особняк в городе, где сэр Фрэнсис проводил большую часть своего времени. Он покидал Лондон лишь для деловых поездок по стране, поскольку, кроме основного производства в Спиталфилдсе, у него были фабрики в Макклсфилде и других частях Англии. Дед сэра Фрэнсиса получил титул за заслуги перед обществом, заключавшиеся в том, что он был одним из самых крупных производителей и продавцов шелка в королевстве.

Дамы Сэллонджер предпочли бы не иметь отношения к любому рода торговле, но шелк был для сэра Фрэнсиса смыслом жизни, и он надеялся, что так же станут относиться к делу и его сыновья Чарльз и Филипп, когда подойдет их черед заняться производством этой прекраснейшей из тканей. Итак, ввиду семейной любви к данному материалу и полного пренебрежения к историческим ассоциациям, над древними воротами появились большие бронзовые буквы: «Шелковый дом».

Сколько я себя помнила, я всегда жила в Шелковом доме. Мое положение было весьма двусмысленным, и, когда я это поняла, то очень удивилась, что не замечала этого раньше. Наверное, дети многое принимают как само собой разумеющееся. Иначе и быть не может: они принимают свое непосредственное окружение, не вникая в нюансы человеческих отношений.

Я росла в одной детской вместе с Чарльзом, Филиппом, Джулией и Кассандрой, которую все называли Касси. Мне и в голову не приходило, что я в этом гнезде являюсь кукушонком. Для всех детей сэр Фрэнсис и леди Сэллонджер были мамой и папой, для меня они были сэром Фрэнсисом и леди Сэллонджер. И еще была нянюшка. Никто и ничто не ограничивало ее власть в детской. Она часто разглядывала меня с поджатыми губами, из которых иногда вырывался легкий фыркающий звук, указывающий на ее критичное ко мне отношение. Меня она называла Ленор, а никак не мисс Ленор, в то время как Джулия и Кассандра всегда носили этот почетный титул. Эми, приписанная к детской служанка, выделяла меня по своему, всегда подавая еду в последнюю очередь. Я играла игруш-

ками, отвергнутыми Джулией и Кассандрой, хотя на Рождество мне обязательно дарили куклу или что-либо другое. Гувернантка мисс Эвертон поглядывала на меня с выражением, граничащим с презрением. Похоже, ее возмущал и тот факт, что мне обучение давалось легче, чем Джулии или Касси. Наверное, она считала, что я забываюсь и мне следовало бы указать на мое место.

Дворецкий Кларксон меня просто не замечал. С другой стороны, он вообще не замечал детей. Этот важный джентльмен царил «под лестницей», деля власть только с кухаркой миссис Диллон. В иерархии слуг они были аристократами и строго следили за соблюдением протокола, подобного тому, который существовал при дворе королевы Виктории. У каждого из слуг была своя ниша, которую ему или ей покидать не позволялось. Когда слуги садились обедать, каждый занимал отведенное для него место. Кларксон возглавлял стол с одной стороны, миссис Диллон — с другой. По правую руку от Кларксона сидел лакей Генри. По другую руку от Кларксона садилась камеристка леди Сэллонджер, мисс Логан, в тех случаях, разумеется, когда она вообще спускалась на кухню. Чаще ей относили еду на подносе. Горничная Грейс сидела рядом с Генри, затем шли горничные рангом пониже — Мэй и Дженни, прислуживавшая в детской Эми и Кэрри, помощница кухарки. Когда сэр Фрэнсис появлялся в Шелковом доме, его кучер Кобб присоединялся за столом к остальным слугам. Но по большей части Кобб жил вместе с хозяином в Лондоне, где ему отвели домик, переоборудованный из бывшей конюшни, вплотную примыкавшей к хозяйскому дому. За лошадьми смотрели конюхи, но они жили в комнатах над просторной конюшней, где, кроме лошадей, размещались двуколка, догкарт¹ и, разумеется, экипаж сэра Фрэнсиса в тех случаях, когда он ночевал в Шелковом доме.

Такова была иерархия «под лестницей», а на «ничейной земле» между высшими и низшими слоями общества в состоянии полной неопределенности парила гувернантка мисс Эвертон. Наверное, ей было очень одиноко. Пищу она принимала в своей комнате, ее туда неохотно приносила на подносе одна из горничных. Нянюшка тоже питалась у себя, располагая небольшой плитой, позволявшей немного готовить, если ей приходилось не по вкусу еда, принесенная

¹ Охотничий экипаж для собак. (Примеч. ред.)

снизу. Мне помнится, что у нее в комнате всегда жарко пылал камин. Над огнем посвистывал чайник, и нянюшка то и дело заваривала себе чай.

Я часто думала о мисс Эвертон, особенно после того, как осознала, что мы с ней находимся в равном положении.

Джулия была на год старше меня, а мальчишки были на несколько лет старше нас обоих. Старшим из братьев был Чарльз. Мне они всегда казались очень взрослыми и недоступными. Филипп по большей части не обращал на нас внимания, но Чарльз иногда начинал к нам задираться. Джулия вела себя надменно, была вспыльчива, у нее случались приступы неконтролируемой ярости. Мы с ней часто ссорились, и нянюшка приговаривала:

— Ну что вы, мисс Джулия, ну что ты, Ленор... Немедленно прекратите. Это действует мне на нервы. — Нянюшка очень заботилась о своих нервах, и с ними следовало считаться.

Касси была младше нас обоих и совсем другой. Я слышала, что леди Сэллонджер «пришлось нелегко, когда она производила Касси на свет». Это не только лишило леди Сэллонджер возможности иметь других детей, но и стало причиной физического недостатка Касси. Слуги часто косились на нее и перешептывались, упоминая какие-то «инструменты». В моем воображении тут же всплывали орудия пыток, применявшиеся инквизицией, вроде дыбы и тисков для пальцев.

Впрочем, было ясно, что они намекают на правую ногу Касси, которая была короче левой, что заставляло ее хозяйку хромать.

Касси вообще была маленькой и хрупкой, у нее было слабое здоровье. Зато она имела золотой характер. Инвалидность ничуть не обозлила ее, и мы с ней нежно любили друг друга, часто читали и шили вместе, поскольку обе искусно обращались с иглой. Думаю, что сноровкой я была обязана своей бабушке, которую называла *Grand-mère*¹.

Grand-mère была самым главным в моей жизни. Она была моей, то есть единственным человеком во всем доме, принадлежавшим исключительно мне. Мы с ней вообще жили обособленно от семьи Сэллонджер, не говоря уже о слугах. Однако она настояла на том, чтобы я принимала пищу с их детьми. Будь на то моя воля, я, ко-

---

¹ Бабушка (*фр.*). (*Примеч. пер.*)

нечно же, ела бы только с ней. Бабушка также заставляла меня заниматься вместе с ними верховой ездой и, конечно же, учиться. Долгое время для меня было загадкой то, что *Grand-mère* приходилась бабушкой мне, но не им.

Она жила на самом верху, в большой комнате с огромными окнами. Даже крыша была стеклянной, потому что бабушке был необходим свет. Много света. В комнате стоял ткацкий станок и швейная машинка, на них бабушка работала. Кроме швейной машинки тут были манекены, очень похожие на живых людей. Три дамы разных размеров частенько были одеты в изысканные платья. Для каждой из них у меня было имя. Самую миниатюрную даму звали Эммелина, леди Инглби была средних размеров, а самую крупную модель я окрестила герцогиней Мальфи. Из Спиталфилдса в Шелковый дом тюками возили ткани. Первым делом *Grand-mère* рисовала модели платьев, а потом бралась за шитье. Мне никогда не забыть, как пахли эти огромные рулоны ткани. И еще они имели красивые, экзотические названия, которые я старалась запоминать. Кроме тончайшего шелка, атласа и парчи бабушке привозили алямод, люстрин, падуасой, бархат и дюкейп. Я часто сидела рядом с бабушкой, слушала жужжание машинки и наблюдала за тем, как ловко управляется с педалью маленькая бабушкина ножка в черной туфельке.

— Поддай мне вон те ножницы, *ma petite*¹, — говорила она. — А теперь принеси булавки. Ах, что бы я делала без своей маленькой помощницы!

Эти слова делали меня абсолютно счастливой.

— Ты слишком много работаешь, *Grand-mère*, — однажды заявила я.

— О, мне очень повезло, — прозвучало в ответ.

Она разговаривала на уникальном сочетании английского и французского языков. В классной комнате мы мучительно выдавливали из себя французские выражения, провозглашая своей собственностью то ручку, то собаку, то кошку или спрашивая, как нам пройти на почту. Благодаря постоянному общению с *Grand-mère* мне было намного проще, чем Джулии и Касси. Я с легкостью усваивала самые трудные слова, к тому же мое произношение

---

¹ Моя маленькая, моя малышка (фр.). (Примеч. пер.)